

С ДЕТЬМИ В СТРАНУ ДУШИ

Фото автора

Абхазия на языке местных жителей называется Апсны, что в переводе означает «Страна души». В начале мая 1985 года по горной Абхазии прошла группа туристов, на треть состоявшая из детей разного возраста. Об этом походе рассказывает его руководитель, приводя множество подробностей, полезных для всех путешествующих с детьми.

В нашей большой, из девятнадцати человек, компании их шестеро. Трое из семейства Цибиных. Коле двенадцать лет, на его плечах станковый «Ермак» — он рослый малый и мало в чем уступает взрослым. Толе шесть, это непоседа и сорванец, за которым нужен глаз да глаз. Его рюкзакишка невелик, с расчетом на то, что, когда средний Цибин устанет скакать козлом (а это его обычный способ передвижения), такую поклажу мо-

жет взять и донести до очередного привала любой из оказавшихся рядом взрослых. Тете Кате четыре года. Когда она в форме, это общительное, любознательное и немного кокетливое создание. Обращение «тетя Катя» ей пришлось по душе, но своего рюкзака она еще не получила, так как на затяжных подъемах нередко занимает место на плечах своего папы. Бывает, что папе Толе не хватает здоровья нести свой огромный рюкзак и

Тетю Катю одновременно. Тогда он легко обгоняет нашу колонну, заносит груз вперед по ходу и возвращается за дочкой. А доставив ее к очередному привалу, спускается за оставленным рюкзаком и обычно успевает еще застать группу на отдыхе. Наш «крейсерский» режим движения — 40 минут хода, 20 минут отдыха — позволяет это делать.

Кире Гранильниковой и Саше Китаеву по десять лет, у них за плечами небольшие рюкзаки «Пионер», и они справляются с ними без помощи взрослых. Оба имеют горный туристский опыт — прошлой весной участвовали в походе от озера Ридца до Красной Поляны.

Юре Климову уже тринадцать, но в горах он первый раз. Размеры его рюкзака вполне соответствуют его возможностям, но вот конструкция... Дважды пришлось перекладывать Юрин рюкзак, чтобы как-то приспособить его к узкой мальчишеской спине, но все же где-то в середине маршрута при длительном спуске нескладный вещевой мешок намял ему поясницу.

Шли первые, с непривычки для некоторых самые тяжелые переходы — непрерывный многочасовой подъем на хребет. Вскоре, когда мы выбрались на сплошной снег, испортилась погода. Ночью начался дождь, несколько раз утихавший и возобновившийся на следующий день. Выше границы леса встречный северный ветер буквально сдул нас с намеченного пути. Пришлось спуститься и идти под насильственной защитой вековых пихт. Как ни старались пробиравшиеся в снегу тропу мужчины укорачивать шаг, их следы для ребят были великоваты. К обеду у всех, кроме шедших в резиновых сапогах, были мокрые ноги. Взрослым при температуре плюс пять — семь градусов этим обстоятельством можно пренебречь. Одежду же и обувь ребят пришлось просушить во время обеденного привала. Для этого поставили палатку, постелили на дно теплоизолирующие коврики и спальные мешки. Минут через двадцать продрогшие и начавшие было скулить ребята согрелись и затеяли такую возню, что пришлось отрядить одного из родителей для поддержания порядка. Лучший способ снизить физическую активность ребят — чтение интересной книги вслух, и непременно с выражением. На сей раз уберегли ребят от взаимного членовредительства, а имущество от повреждений всем известные «Приключения Буратино».

Между тем дежурные, расположившись в небольшом вытолаживании склона под сводом густых пихтовых лап, приготовили обед. Трехразовая горячая еда в

последнее время стала признаком хорошего тона даже среди туристов, идущих по сложным маршрутам. Для семейных же групп с детьми подобный режим питания просто необходим. Небольшой, чтобы не повредить окружающие деревья, но жаркий костер из хорошего топлива (у нас есть двуручная пила и большой топор) после приготовления пищи перешел в полное распоряжение тех, кто занялся сушкой вещей.

За три обеденных часа все неотложные дела были выполнены, и группа пришла в состояние полной боевой готовности. Накормленные и отдохнувшие в тепле, маленькие туристы вновь обрели жизнерадостность. Тетя Катя наконец позволила обвязать себя страховочным концом, чему упорно сопротивлялась вначале, так как кто-то неудачно пошутил, что ее будут вести как козу на веревке. Держать ее за руку, двигаясь по довольно крутым склонам, да еще по следам в снегу, было крайне неудобно. Пустить же одну тоже нельзя, потому что, скользнув она, никто из идущих с тяжелыми рюкзаками подхватить ее не успеет. Если бы в связках шли все, подобный конфликт вряд ли мог возникнуть. Однако то ли мама нашла способ уговорить «козу», то ли та забыла показавшуюся обидной шутку, но только Катерина теперь сосредоточенно переступала впереди родителей, по очереди державших в руке конец репшура от ее обвязки.

В конце дня при прохождении перевала, будто в награду, небо прояснилось, показались ближайшие хребты и вершины, покрытые ослепительным свежим снегом. В лучах заходящего солнца потрясенным участникам группы открылись ландшафты редкой, незабываемой красоты. Замолкли даже самые разговорчивые, и все долго стояли, не в силах оторваться от открывшейся панорамы.

К заходу солнца подошли к пастушеской летовке — небольшой окруженной изгородью избушке на верхней опушке леса. Для небольшой группы она могла бы служить ночлегом, а нам — кают-компанией с оборудованным очагом и нарами. Но, к великому разочарованию детей, соблазненных экзотикой такого обиталища, нам пришлось отказаться от этой затеи: около летовки нет укрытого от ветра места для палаток и все деревья в ближайших окрестностях уже использованы ее постоянными жильцами. Спускаемся глубже в лес, где нас уже не достанет никакой ветер, и метрах в двухстах от избушки обнаруживаем подходящее для лагеря место: несколько почти ровных снежных террас, стоящая поодаль

и чуть выше сушина, которую нам под силу свалить и разделать, и даже журчащий под снегом ручей в ближайшем логу (на предыдущем ночлеге нам пришлось для получения воды растапливать снег). Едва сняли рюкзаки, как все шестеро младших участников, включая Тетю Катю, бросились кататься на ногах по ближайшим склонам. К тому времени, когда были установлены палатки, они вымокли до нитки. Пока мамы переодевали ребят в сухое, папы и остальные мужчины заня-

Встреча с серым Красной книжки

лись устройством очага и заготовкой топлива. Когда главный пилющик убедился, что все находится на безопасном расстоянии, почти рядом с будущим очагом грахнулась двенадцатиметровая сушина. А еще через десять минут загорелся костер, давая такое необходимое тепло и свет, выхватывающий из ступившейся тьмы палатки на утоптаных снежных площадках и фигуры людей, занятых лагерными делами. Переодетая детвора, как водится, полезла к огню, мешая дежурным и путаясь у всех под ногами. До сих пор не существует верного средства отогнать лишних от костра, в какую бы погоду это ни происходило. Единственный путь избежать толкотни у огня и конфликтов между ловащими костровой кайф участниками и занятыми жизненно необходимыми хлопотами дежурными — это оборудовать достаточно просторную площадку для тех и других. Обычно ее делают в форме прямоугольника, с одной стороны которого хлопочут дежурные и лежит

запас топлива, с трех других — места для сидения. Но далеко не всегда удается найти подходящее место; помехи создают и неровная поверхность, и стволы деревьев, и, наконец, ветер, сносящий дым костра на окружающих. Наш костер в этот вечер располагался на небольшой, размером в три на четыре метра, преталине. Выше ее стояла огромная пихта, корни которой образовали удобные площадочки и палочки, чем воспользовались дежурные, тем более что и ветер преимущественно поддувал с этой стороны. В распоряжении остальных оставались места на наклонной грунтовой поверхности, довольно скользкой от тающего и падающего сверху дождя, слегка благоустроенной набросанными мелкими ветками. Для сидения оставалось лишь несколько поленьев-кругляков, приготовленных на утро.

Несмотря на тесноту и щиплющий глаза дым, сырая погода всех манит к костру, где очередная смена дежурных, преодолевая усталость, хлопочет над ужином. Они обязаны, несмотря ни на что, быстро и вкусно накормить всех. Недаром активное поведение на биваке и особенно на дежурстве служит лучшей характеристикой туристу.

Через два часа после остановки раздался призыв к ужину — приятное и ожидаемое событие. Редко, когда кто-нибудь не приходит к огню, оставаясь в палатке. Еду таким принесут в постель, однако это привилегия больных или чрезмерно уставших. Сегодня ею пользуются самые младшие — Катя и Толя, которые заснули как убитые, едва их успели покормить. Вскоре отправляюсь в палатку и я. Завтра еще до завтрака мне предстоит идти на разведку наиболее удобного пути для нашей большой и не располагающей избытком сил группы. На полдня предстоящего пути все лежит под снегом, закрывшим легко различимые летом тропы, и для поисков понадобится два-три часа времени, которое остальные проведут в лагере.

Лежа в спальнике, вспоминаю оставшиеся в недавнем прошлом дни подготовки к походу, пророчества знакомых, предвещавших нам неудачу: «Через снежные перевалы с детьми, с такой малышкой! Да вы на второй день повернете обратно! Хорошо еще, если все благополучно обойдется...» Удивительно, что так говорили даже опытные туристы, правда не ходившие в семейные походы с детьми. И, надо сказать, разговоры эти заставили нас самым тщательным образом изучить этот в целом несложный маршрут, выявить его неясные участки и обсудить возможные препятствия. Перед тем как расстаться с

готовленного участника, мы предприняли пробный подъем на 400 метров по высоте — половину дневной нормы, своего рода разведку боем, во время которого убедились в том, что предстоящий путь нам по силам. Такая психологическая подготовка сыграла свою роль в поведении всех участников. Не часто приходилось мне наблюдать такую дружную работу на биваках, что с первого взгляда и не поймешь, кто же сегодня дежурит, а кто помогает. На трудных или опасных участках пути любой взрослый, оказавшийся рядом, оказывал помощь или подстраховывал ребенка.

Там, кто попал в горы впервые, — а ребятам всем без исключения, так как самые бывалые из них успели все забыть, — пришлось учиться поведению в горах на ходу: не хватило времени провести совместные учебные занятия до выезда. Вроде бы и не так много технических приемов требуется для маршрута первой категории, но новичок и этот минимум осваивает не сразу.

Первая задача: научиться при ходьбе ставить ногу на всю ступню, не загружать носок стопы, иначе даже сильный человек быстро устанет. Одного объяснения мало — привычка постоянно берет верх. Требуется поглядывать, кто как идет, многократно напоминать о правильной постановке ног. Не менее важно научиться использовать альпеншток, роль которого у нас выполняет обычная палка. Она должна быть размером до подмышки стоящего участника и достаточно крепкой, чтобы не переломиться пополам, если участник, сорвавшись, повиснет на ней, как на перекладине. С ее помощью, поскользнувшись или потеряв равновесие, можно застраховать себя от падения, опершись концом о склон, будь он грунтовый, скальный или снежный. Для этого на крутых или опасных склонах альпеншток должен быть наготове — обязательно в двух руках, рабочим концом (он делается заостренным) к склону. Приучить всех правильно держать его, меняя положение в руках, когда склон оказывается с другой стороны, — основная задача обучающего. Иначе подстраховать себя при срыве не удастся — не успеешь, и падение неминуемо. Чтобы закрепить навык, вначале напоминаю на поворотах о смене положения палки-альпенштока, иногда останавливаю всю группу и обращаю внимание на забывших это сделать. В местах, где самостраховка необходима из соображений безопасности, подаю команду, которая передается всем по цепочке.

Но больше всего забот доставляют камни — лежащие, падающие или кати-

щиеся, которых в горах великое множество и которые представляют немалую опасность для туристов. У детей же безудержная страсть превращать их в орудия метания. Стоит на минуту остановиться, как юная братия хватает лежащие поблизости камни и начинает запускать их в любую цель или вовсе без цели. Внушить им, что камень в горах — предмет повышенной опасности и, столкнув или бросив его, всегда рискуешь кого-нибудь травмировать, дело непростое. Наиболее убедительное средство, помогающее усвоению этой истины, — реальное происшествие с кем-нибудь из присутствующих. У нас жертвой в первый же день оказалась Тетя Катя. После очередной команды «Привал!» идущие впереди и оказавшиеся выше по склону члены группы стали скидывать рюкзаки и устраиваться на отдых, при этом кто-то стронул плохо лежащий камень величиной с полбуханки хлеба. Последовал крик: «Камень!» Все по правилам — и подходившие снизу остановились, приготовившись уклониться от него. Но камень, будто нарочно, из всех возможных выбрал направление на Катю, которая к тому же шага на два отошла от своей мамы. Четырехлетний ребенок не способен своевременно отреагировать на подобную опасность, и девочка глядела на приближающийся камень, пока он ее, к счастью только вскользь, не ударил по руке. Окрестности огласились громким ревом разобиженной (за что?!) и испугавшейся Кати. Из происшествия постарались извлечь максимум пользы, внушив пострадавшей, что отходить от мамы без разрешения нельзя, и еще раз обратив внимание юных метателей на столь очевидную опасность камней, даже лежащих на земле, если их неосторожно столкнешь. По-видимому, урок пошел на пользу, так как подобное происшествие было единственным в нашем походе.

Ночью пошел снег, продолжившийся и утром. Белые снежинки не спеша опускались на фоне темных деревьев, покрывая толстым слоем палатки, уже прогибающиеся под их тяжестью. Таким оставался еще спящий лагерь, уходя в туманный лес, а вернувшись спустя два часа, застал его в большом оживлении. Все так же падал снег, но около костра шла выдача завтрака, а кто-то уже стягивал полиэтиленовый тент с палатки, готовясь снять и убрать ее в рюкзак.

Сворачивать лагерь и выходить в путь под сыплющимся снегом или дождем — один из самых неприятных моментов в туризме, но скорее психологического характера: ведь через полчаса движения никто и не вспомнит о нем... Но тем не

менее сборы в этом случае, как будто бы вопреки здравому смыслу, затягиваются. Не была исключением и наша группа. Труднее всех собираться семейству Цибиных с их двумя малолетками. До последнего момента приходится оставлять палатку, чтобы ребята, выпущенные из-под ее укрытия раньше времени, не промокли и не замерзли. Не просто собираться и все время следить, чтобы Тетя Катя не уронила накидку, а Толя и вовсе не забыл ее где-нибудь под деревом. Собиравшиеся раньше участники берут на себя ребятшек, отвлекающих родителей от сборов. Всем ребятам перед выходом нетрудно найти полезное дело на биваке: собрать и сжечь или закопать мусор, загасить костер, сложить оставшиеся дрова так, чтобы они не вымокли и могли бы послужить кому-нибудь впоследствии. Толя и Катя деловито тащат к костру брошенные кое-где конфетные бумажки, обрывки полиэтиленовых пакетов. Старшие забрасывают снегом угли.

Выходим на час позже намеченного срока. По-прежнему неторопливо падает снег. Вершины деревьев скрыты в тумане. Иду первым, за мной подряд четверо мальчишек. Они быстро усвоили, что в горах колонны двигаться легче и интересней: они видят новое раньше других. Иногда к ним присоединяется Кира, но рядом с мамой ей лучше. Мама Оля много знает об окружающем мире, многое может рассказать, замечает то, мимо чего, не обратив внимания, проходят другие.

Спускаемся в русло ручья. Даю ребятам послушать его голос под снегом и предупреждаю, чтобы со следов не сходили, если не хотят провалиться в воду. Мне удобно их соседство — они постоянно напоминают своим присутствием, что, прокладывая путь, нужно ориентироваться на их возможности. Настроение в группе несколько напряженное: действуют продолжающийся снегопад и туман, ограничивающий видимость.

На первом привале собираю взрослых участников на совет — не столько для нахождения нужного решения, сколько для поднятия их тонуса. Как известно, даже солдат должен понимать свой маневр, а в группе народ мыслящий, научные сотрудники нескольких ведущих институтов и университета. Им куда легче будет месить снег, если целесообразность этого занятия не будет вызывать сомнения. Между тем предстоящий путь несколько парадоксален. Пройдя перевал, обычно идут все вниз и вниз. Нам же после непродолжительного спуска с левого борта долины реки предстоит подняться на ее правый борт и, набрав около

300 метров высоты, проследовать по верхней границе леса в соседнюю долину. Там, спустившись на 700 метров по высоте, мы должны выйти на старую лесовозную дорогу. Спуск же непосредственно вниз приводит к очень крутым склонам, а река входит в каньон, имеющий несколько ступеней с водопадами.

Итак, снова вверх. Опять впереди колонны мужчины по очереди (100 шагов — и в сторону) тропят снег. Еще переход, и все получают карманное питание: изюм, конфеты, но главное — по черному сухарю. Снегопад прекратился, потянул ветер, предвещающий перемену погоды. И действительно, еще через полчаса сквозь туман начинает пробиваться солнце, видимость и настроение в группе заметно улучшаются. Приятный подарок ждал нас на привале после третьего перехода: разом появилось солнце, мир вокруг засверкал яркими красками, на белый снег упали почти черные, по контрасту, тени деревьев. А самое главное — мы смогли оглядеться и убедиться, что находимся на правильном пути, совсем близко кончается сплошной снеговой покров и уже внизу видна дорога, которая поведет нас дальше.

Через день мы подходим к пасеке, первой из четырех на нашем пути. В этой долине пасеки столь же примечательны, как редкостные природные объекты. Они носят имена своих создателей и владельцев: Ходаревского, Владимирова, Калашникова, Плужникова. На подходе — переправа через ручей. Длинное бревно, переброшенное на высоте двух метров от воды, показалось для людей с грузом за спиной небезопасным. Создать же надежные перила длиной 25—30 метров не из чего. К восторгу младших членов группы, решали идти вброд: хотя и дольше, но при глубине воды чуть выше колен куда надеждней. Переносить пришлось только Катю и Толю. Остальные маленькие путешественники уговорили пустить их своим ходом. Переходили в основном в ботинках на босу ногу, так как непривычный к ходьбе босиком городской человек, да еще с грузом за плечами, чувствует себя на каменистом дне неустойчиво. А оступиться и упасть — это по меньшей мере основательно вымокнуть, а то и испортить вещи. Промокшие же накануне в снегу ботинки не способны принять лишнюю влагу. После переправы из них выливают воду, протирают изнутри тряпкой и надевают на сухие носки. Такая переправа с раздеванием и одеванием даже у нашей многочисленной и неторопившейся группы заняла лишь 30 минут.

И вот мы на пасеке. Наклонная поля-

на в лесу, окруженная оградой, ряды ульев под навесами, дом и просторная летняя кухня с очагом. Тихо, никого нет. Обслужив ульи, пасечник может не приходить несколько дней. Главное правило для приходящих на пасеку — сохранить все в том же порядке, не измывать на поляне траву и цветы, служащие медоносами, и, конечно, быть поосторожнее с пчелами. Самое лучшее — держаться подальше от ульев. Но разве удержишь ребят, увидевших настоящее пчелиное жилище, мелькающих тут и там «мух», как называют пчел пасечники, пьющих воду из лужи и ползающих по столу, на который просыпали сахар! Первым и, к счастью, единственным пострадал от них Саша — он слишком приблизился к летку, чтобы поближе разглядеть снующих на входе в улей пчел. Две из них, видимо, не поняли его мирных намерений и ужалили обе в левый глаз. Надо отдать Саше должное — он вел себя мужественно, не плакал и на своих обидчиков напраслину не возводил. В группе как-то сразу установилось спокойно-насмешливое отношение к мелким походным неприятностям: потертостям, ссадинам, сожженным у костра носкам. И в этот раз никто не ахал над распухшей Сашинной физиономией. Вскоре опухоль полностью сошла, как и предсказали встреченные на следующий день хозяева пасеки.

На пятый день похода последние клочки тумана и облаков рассеялись, и больше мы их не видели до самого конца маршрута. Изменилось и поведение всех членов группы. После пройденного в непогоду перевального участка все почувствовали себя уверенно.

Ребята, вновь идущие в колонне прямо за мною, болтали без умолку. По утрам Тетя Катя делала обход палаток и кокетливо интересовалась у всех по очереди: «А что ты делаешь?» И, не всегда дослушав ответ, отправлялась задавать свой вопрос кому-нибудь другому.

Теперь мы шли по местам населенным. Хозяева пасек и хуторов встречали нас радушно, угощали медом и грецкими орехами, с удивлением поглядывая на Катю, Толю и их родителей. Группы с детьми постарше летом нередкие гости в тех краях. Но столь юные туристы, да еще весной, когда все перевалы в снегу, пока в диковинку.

Теплая, солнечная погода чудесно повлияла на наш быт. Блюда из взятых с собой сухих продуктов и консервов стали дополнять свежие грибы, салаты из черемши, щи из крапивы, травяные чаи. Хватало времени (и условий) и на блины, и на мороженое из снега и сгущенки.

Реки и ручьи перестали быть только препятствием на пути. Горячее солнце и прогретые им каменные пляжи позволяли искупаться в ледяной воде горных потоков. Стоило дать разрешение, и даже самые маленькие с визгом влетали в воду. Тетя Катя, замирая от обжигающего прикосновения прозрачных струй и вытаращив глазенки, шагала к отцу, манившему ее с середины реки. Всех стало больше заботить не то, как бы не замерзнуть, а как бы ненароком не обгореть на солнце.

Но вот горы расступились, и вдали показалось море. В сумерках мы собрались у последнего в этом походе костра. На поляне ребята гонялись друг за другом и за майскими жуками, а взрослые вспоминали наши приключения. И оказалось, что самыми впечатляющими, самыми яркими и запомнившимися оказались те первые, самые трудные дни, когда в тумане, под дождем и снегом мы делали наш первый перевал. Те дни, без которых наше солнечное сегодня не было бы таким счастливым. Мне же подумалось, что, разделяя с нашими ребятами походную жизнь, мы понемногу готовим их ценить это нехитрое туристское счастье, так необходимое городскому жителю.